

С.П. Гудкова, А.В. Хозяйкина

Особенности развития современной поэтической системы жанров Мордовии (на материале книги стихов К. Смородина «Второе дыхание»)

Аннотация. В статье рассматривается специфика развития современной поэтической системы Мордовии. Актуализируется внимание на тяготении современных поэтов к синтезу родовых и жанровых форм. Отталкиваясь от теории «романизации» (М.М. Бахтин), авторы статьи приходят к выводу о доминировании в современном поэтическом процессе Мордовии таких крупных жанровых форм, как книга стихов. На примере анализа книги К. Смородина «Второе дыхание» (2016), исследователи репрезентируют мысль о метажанровой природе данного издания, куда вошли баллады, послания, лирические циклы. Целостный анализ книги стихов позволяет говорить о ее продуманной архитектонике, наличии сквозных образов и мотивов, визуальных скрепах, об особенностях заголовочного комплекса. В процессе исследования доказывается, что «Второе дыхание» К. Смородина – это «итоговая» книга стихов, где сюжетообразующей основой становится мотив прощания с прошлым. Прошлое поэта ассоциируется со счастливыми мгновениями детства, отрочества, юности. Но самого дорогого, что остается для него в прошлом, это великая любовь двух сердец. Ее потеря связана со смертью самого любимого и близкого для поэта человека – его женой. Авторы статьи доказывают наличие биографического начала в образе лирического героя К. Смородина. Проведенный анализ позволяет продемонстрировать не только особенности творческой манеры отдельного автора, но и обозначить пути развития жанровой системы современной поэзии Мордовии в целом.

Ключевые слова: современная поэзия, жанровая система, крупная жанровая форма, книга стихов, мотивный комплекс, лирический герой.

S.P. Gudkova, A.V. Khozyaykina

Features of development of modern poetic system of genres of Mordovia (on the material of the poem book by K. Smorodin «The second breath»)

Abstract. The article considers the specifics of development of modern poetic system of Mordovia. Attention is paid to the tendency of the modern poets to the synthesis of generic and genre forms. Based on the theory of «romanization» (M. M. Bakhtin), the authors of the article come to conclusion about the dominance in modern poetic process of Mordovia such large genre forms as a book of poems. Analyzing the book by K. Smorodin «The second breath» (2016) the researchers represent the idea about meta-genre nature of this edition, which contains ballads, letters, lyrical cycles. Full analysis of the book of poems allows talking about its elaborate architectonics, presence of cross-cutting images and motifs, visual ties, about the features of its title complex. Process of the analysis proves that «The second breath» by K. Smorodin is the «final» book of poems, where the motif of farewell with the past becomes the plot-forming basis. The past of the poet is associated with the happy moments of childhood, boyhood and youth. But the most precious thing that remains for him in the past is the great love of two hearts. Its loss caused by death of the dearest and close for a poet person – his wife. The authors of the article prove the presence of the biographical origin in the image of the lyrical hero of K. Smorodin. The analysis allows demonstrating not only peculiarities of the creative manner of an individual author, but to identify the ways of development of the genre system of modern poetry of Mordovia in the whole.

Key words: modern poetry, genre system, large genre form, book of poetry, motivic complex, lyrical character.

В современном отечественном литературоведении одним из дискуссионных вопросов остается вопрос о жанровой динамике и специфике развития жанровой системы. Наиболее остро данная проблема встает применительно к современному поэтическому процессу, где наблюдается активное взаимодействие двух родовых систем: эпика и лирики, что приводит к «размыванию» жанровых форм поэзии. Следует отметить, что еще в начале XX столетия некоторые исследователи заговорили об «отмирании» лирических жанров. Данная мысль, высказанная в работах 1930-х годов М.Б. Эйхенбаума [1], Л.Я. Гинзбург [2], в дальнейшем получила свое развитие в исследованиях Б.О. Кормана [3], В.Д. Сквозникова [4], В.А. Грехнева [5] и др.

Сторонники концепции «распада лирических жанров» в своих теоретических размышлениях апеллировали к опыту русской классической литературы, доказывая, что уже пушкинский «жанровый универсализм парадоксально обернулся жанровой интерференцией» [6, 218]. Однако данная мысль в дальнейшем подвергается научной рефлексии. Ученые приходят к убедительному и доказательному выводу об ограниченности концепции «распада жанровых форм». Так, например, С.И. Ермоленко указывает, что многие исследователи отождествляют «художественный канон» и «жанр» [7]. Н.Л. Лейдерман совершенно справедливо считает, что при переходе «от нормативной эстетики к ненормативной (конкретно-исторической) происходит отказ не от мышления жанром, а от мышления художественным каноном, «который не тождествен жанру и охватывает все художественные нормы» [8, 313]. Ученый также указывает на то, что «жанр как тип художественной целостности, создающий определенный образ миропереживания, в лирике остается всегда, лишь становясь структурно более гибким и исторически динамичным» [8, 313].

По всей видимости данный аспект проблемы связан и с концепцией романизации, разработанной М.М. Бахтиным. Исследователь сосредоточивался на процессе «поглощения»

иных жанров новым. Более конкретно романизация жанров связывалась ученым с усилением их пластичности, с обновлением их языка, диалогизацией, проникновением в них иронии, юмора, элементов самопародирования и проблемности, специфической незавершенности. Выделяя моменты доминирования романа на определенных отрезках литературной истории, ученый выстраивает четкую схему исторического процесса романизации других жанров: «в эпоху господства романа почти все остальные жанры в большей или меньшей степени «романизируются»: романизируется драма <...>, поэма <...>, даже лирика» [9, 450].

Современные исследователи приходят к выводу о том, что все чаще в творчестве поэтов рубежа XX–XXI веков наблюдается тяготение к эпизации, укрупнению угла поэтического зрения [10–12], причем эпические черты в большинстве поэтических текстов помогают подчеркнуть именно лирическое начало. Активное проникновение прозы в поэзию также способствует дальнейшей деканонизации поэтических жанров. Процесс романизации и связанное с ним явление жанрового синтеза наиболее яркое отражение нашел в крупных жанровых формах: поэме, лирическом цикле, книге стихов.

Показательна картина жанрового синтеза и в современном поэтическом процессе Мордовии, где одно из центральных мест заняла такая крупная жанровая форма как книга стихов со всеми ее типологическими разновидностями (тематическая, жанровая, «итоговая»). В своих работах мы уже не раз обращались к изучению данного вопроса [13; 14]. Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что такие поэты Мордовии, как А. Шаронов, В. Гадаев, А. Громыхин, К. Тангалычев, С. Сеничев и многие другие тяготеют именно к укрупнению поэтического высказывания. Книга стихов в их творчестве репрезентируется как своеобразная поэтическая целостность, сверхжанровое образование, в котором прослеживается некий лирический сюжет. Его сюжетообразующей основой становятся сквозные образы и мотивы. Авторы тщательно продумывают архитектонику своих книг, в которых

прочитывается история души поэта, выстраивается ее своеобразная летопись.

В этом отношении особого внимания, на наш взгляд, заслуживает новая книга русского поэта Мордовии К. Смородина «Второе дыхание» (2016). Примечательна биография автора. Заслуженный поэт Республики Мордовия родился в городе Первоуральске Свердловской области. По отцовской линии К. Смородин имеет уральские корни, а по материнской линии он тесно связан с Мордовией. Константин Смородин окончил Литературный институт им. А.М. Горького, был слушателем поэтического семинара Л.И. Ошанина. Именно здесь, среди плеяды талантливой поэтической молодежи, формируется его художественный стиль. Стихи К. Смородина публиковались в коллективных сборниках и книгах издательств «Молодая гвардия», «Современник», в журналах «Москва», «Наш современник» и др. В 1980-е годы он работал редактором в Мордовском книжном издательстве, а в 1994 году создал молодежный журнал «Странник», главным редактором которого и является по настоящее время. Создание подобного рода журнала в сложнейшую для России эпоху считалось делом бесперспективным. Однако писательский и редакторский талант К. Смородина и инициативность его друзей и единомышленников воплотили мечту в реальность. Сегодня журнал имеет свою историю и, что самое главное, – свою читательскую аудиторию. Данное издание читают не только в Мордовии, но и далеко за ее пределами: от Петропавловска-Камчатского до Санкт-Петербурга.

Талант К. Смородина многогранен. Он известный в Мордовии прозаик, публицист, драматург. Однако именно в лирике, на наш взгляд, автор наиболее исповедален, открыт читателю. Его стихи отличаются тонкой лирической грустью, размышлениями о сущности бытия, но в то же время они мелодичны и проникновенно спокойны. Во многом они перекликаются с тютчевской натурфилософией, где наблюдаются незримые тесные связи между жизнью человека и природы. Поэт тонко чувствует гармонию, которая разлита в природе. В ней он находит

созвучные обертона со своим внутренним миром: «В грустные минуты потепленья / я войду в пустой осенний лес, / где редуют клены, постепенно / прорастая в глубину небес. / Где среди желто-бурого покрова, / сотканного ветром и дождем, / отыщу листок себе багровый / с чуть приметной зеленью на нем. / Пусть он мне осветит – еле-еле / ощутимую – в пространстве дверь, / за которой прежние потери / и дыханье будущих потерь» [15, 25].

К. Смородин автор многих поэтических сборников, среди которых можно выделить «Воскресший день» (1988), «Золотые шары» (1990), «Сумрак сосен, свет берез» (2000), «Послания к Анне» (2013). Последняя поэтическая книга поэта «Второе дыхание» (2016) имеет особое значение в его творческой биографии. Тот факт, что ее выходом поэт отметил свое 55-летие, накладывает отпечаток как на ее идейно-художественное содержание, так и на структурную организацию.

Композиционное построение сборника позволяет говорить о создании поэтической книги по образцу «итоговой». Следует отметить, что в современной поэзии «итоговая» книга чаще всего представляет собой мета-жанровое объединение. В ее состав могут входить как отдельные стихотворения, написанные в разные периоды творчества поэта, так и целые книги, включающие не только крупные поэтические формы (поэмы, лирические циклы, стихотворные повести и т.д.), но и прозаические вкрапления. При создании «итоговой» книги авторы достаточно длительное время тратят на ее осмысление, более тщательно продумывают ее композицию, поэтому такая книга в большинстве случаев имеет развернутое предисловие, состоит из разделов, частей, глав, в которых шаг за шагом прослеживается поэтическая биография автора, становление его поэтического стиля, мировоззрения, то есть складывается целостное представление о движении поэтической мысли художника. Более того, современные авторы во многом опираются на жанровый канон «итоговой» книги, разработанный поэтами-классиками («Последние песни» Н. Некрасова, «Вечерние огни»

А. Фета, «Прощальные песни» А. Жемчужникова и др.), где доминирует прощальный мотив, подведение неких жизненных итогов, что отражается и на метафорическом названии книги.

Для К. Смородина эта книга становится «итоговой» во многих отношениях. Она подводит итог определенному этапу творческого пути поэта, становится своеобразным поэтическим дневником автора, рассказывает о жизни до и после трагического события. Дело в том, что 2012 год стал переломным в жизни поэта: ушла из жизни Анна Смородина – жена, друг, соавтор поэта. В своих интервью К. Смородин признается, что со смертью жены потерял смысл жизни, желание писать и работать [16]. В понимании поэта время не столько лечит, сколько учит жить с болью. Новая книга К. Смородина и является ярким примером выживания после тяжелой утраты, боли и душевного одиночества. Как говорит сам автор: «Именно стихи помогли ему справиться с болью потери и благодаря вере обрести не “только свет страданий, но и частицу бытия”». «Новой книгой он подводит итоги, обретая надежду на второе дыхание. Иначе “жизнь бы закончилась...”» [16].

В содержательном аспекте поэтическая книга К. Смородина близка художественному опыту таких поэтов, как И. Лиснянская («Без тебя», 2003), Г. Русаков («Разговоры с Богом», 1997–2003). Эти книги, также написаны в великой скорби, скреплены мыслью о боли расставания с любимыми. Стихи И. Лиснянской, посвященные памяти умершего мужа Семена Липкина, а Г. Русакова, обращенные к Людмиле Копыловой, – попытка поиска «одиноким» дороги «без тебя».

Людмила Копылова, в прошлом поэт и переводчик, умерла от тяжелой болезни в 1990 году. Смерть жены стала не только душевным потрясением для Г. Русакова, но и потерей смысла жизни («Я оплакал тебя всей посмертной тоской»). В одном из своих интервью поэт с горечью признается: «Со смертью Люды я потерял все, что у меня было, все, чем я жил. Я оказался один. Это было чудовищное ощущение. Я не люблю себя одного. Впереди – старость. Все это

собралось в один комок... И вот тогда я завопил. Мне казалось, что кончилось все. В том числе и стихи. В 1991 году в «Знамени» опубликовал стихи с посвящением Люде – «Время боли» и «Имя муки». Последующие пять лет ничего не писал, вычеркнул себя из литературы. Был в состоянии распада и самоумерщвления. И вдруг неожиданно в 1996 году слово вернулось, начал писать, вернее, записывать «Разговоры с богом». Возможно, после стольких лет молчания пришло время выговориться!» [17, 252].

Для К. Смородина его книга «Второе дыхание», как и произведения И. Лиснянской и Г. Русакова [18], посвященные самым дорогим людям, явилась книгой «выживания», обретением второго шанса на жизнь.

Однако следует заметить, что книга К. Смородина в идейно-содержательном плане несколько отличается от упомянутых выше изданий. Если для поэтов-современников было важно сконцентрироваться на одном, ведущем мотиве – передаче боли от утраты, то К. Смородин предлагает читателю взглянуть на разные моменты жизни его лирического героя, максимально приближенного к личности автора. Многогранная палитра звучания книги передает все аспекты авторского мировидения, раскрывает разносторонность его характера, интересов и жизненных ценностей. Поэт словно открывает читателю дорогу к своему сердцу, говорит о самых важных и сокровенных этапах своей биографии.

К. Смородин тщательно продумывает архитектуру новой книги, что также указывает на ее «итоговый» характер. Она состоит из двух больших разделов: «Стихи из прошлой жизни» и «Второе дыхание», дающее название всему изданию. Своеобразным прологом к основному поэтическому сюжету является стихотворение «Одежда нищая бетонных городов...». Философская мысль о призыве сбросить с себя «заплатки прошлого», переосмыслить его и научиться жить с «азов» создает вектор поэтическим размышлениям автора, настраивает на исповедальную тональность поэтического высказывания.

Стихи, которые вошли в первую часть книги, расположены в хронологической последовательности, они имеют даты, что говорит о желании автора последовательно представить образ лирического героя, передать важнейшие этапы формирования его личности и взглядов. От созерцательности гармоничного мира природы («Как прекрасно лежать на траве!», «Приятно пахнет чернобыльником!», «В этом парке много света и печали» и др.), автор переходит к философскому осмыслению жизни, постижению тайн человеческой личности, ее потаенных уголков («Присяду на скамью, подумаю о том...», «Повторение пройденного» и др.). Стихи восьмидесятых годов проникнуты гармонией и спокойствием; мотив природной тишины, преобладающий в первой части, передает спокойствие и мирозерцательный характер лирического героя: «За окном только шорохи ветра. / Через щели сочится зима. / Гулких комнат пустынные недра / расслоила вечерняя тьма. / Здесь покой, тишина здесь и тени / протянулись от стен и до стен, / нет движения здесь и сомнений, / и, конечно, здесь нет перемен. / Ощущаю паренье над бездной, / и вдали различимы чуть-чуть – / люди, книги и мало заметный, / но уже обозначенный путь» [15, 19].

Из всех времен года поэту ближе образ осени, не столько потому, что осень подчеркивает грустные настроения, печаль и меланхолию, сколько она меняет краски природы, а, следовательно, заставляет меняться и человека, подталкивает его к осмыслению прожитой жизни, настраивает на новый взгляд на себя и на окружающую действительность («Август лишь вышел за двери...», «Сентябрь, словно бритва по венам...», «Октября соломенные крыши...», «В грустные минуты потепленья...» и др.).

Для лирического героя основополагающими становятся такие ценности, как мир детства, друзья, близкие люди, образ родного дома. Отсюда важное идейно-художественное значение приобретают лиро-эпические жанровые формы, которые вошли в первую часть книги – лирические циклы «Крымский цикл», «Повторение пройденного», «Баллада о родном доме». Лирический

герой счастлив от воспоминаний светлых дней прошлой жизни, он благодарен ей за душевный покой, ощущения счастья от прикосновения к ней. Подобные чувства он испытывает и от того, что осознает себя частью природного мира, где он чувствует каждое изменение в природе и соотносит эти изменения со своими внутренними ощущениями. Радость бытия дополняет и чувства взаимной любви, которая также наполняет жизнь лирического героя светлыми красками.

Однако с течением времени характер поэтических размышлений меняется, что подчеркивается стихами конца 1990-х – начала 2000-х. В них все настойчивее звучит мотив покаяния, греха, обретения Бога в себе («Господи, прости мои ошибки...», «Молитва за поэтов», «Стихи из “Великопостного дневника” и др.»). К финалу первой части стихи приобретают подчеркнуто автобиографический характер. Автор включает стихи, посвященные своей жене – Анне, говорит о самом сокровенном и близком: «Плачем горько и печально / об истерзанной любви, / за открывшуюся тайну / Господа благодарим. / Этот лучик света-боли / в душу темную проник / и потребовал в глаголе / выразить счастливый миг» [15, 88].

Кульминацией в развитии поэтического сюжета данной книги является цикл «Из “Посланий к Анне”», куда вошли стихи, написанные после смерти жены, точная дата каждого стихотворения, вошедшего в цикл, – это важная точка биографической боли человека, день за днем отдаляющегося от счастливых мгновений прошлой жизни: «Лишь бы меня не закрутило, / не увлекло, не понесло... / Твоя отверстая могила, / и день, прозрачный, как стекло. / И речи, слезы, обещанья / чего-то сделать всем назло... / И бесконечное страданье... / И день, прозрачный, как стекло. / И день, прозрачный, как стекло, / день светлый, дали прояснившийся... / И путь к Любви для всех любивших... / Сквозь холод – дивное тепло» [15, 92].

Данный цикл – это своего рода водораздел, строго проводящий границы между жизнью с Ней и после Неё. Все финальные

стихи первой части проникнуты мотивами одиночества, неугасающей боли, скорби. Прошлая жизнь видится лирическому герою как некий миф, легенда, распадающаяся на мозаичные осколки отдельных воспоминаний. Финальные стихи первой части наполнены религиозно-философскими размышлениями. Все чаще появляются православные мотивы и образы, мотивы покаяния и греха. Герой обращается к Господу как Высшей силе проведения, способному слушать и быть услышанным («Рождественское», «Я страдаю без тебя...», «Я могу обрести тебя только верой», «На тебя я, Боже, уповаю», «Канун Пасхи» и др.).

Изменение поэтической тональности приводит и к трансформации формы стиха, который существенно меняется и в ритмико-интонационном плане. Душевная боль, поиск «внутренней дороги», диалоги с Богом порой передаются через белый стих, разноstopный ямб, трехсложные размеры; поэт отказывается от точных рифм, прибегает к длинным стихотворным строчкам, способствующим медитативным, молитвенным размышлениям лирического героя. Подводя итог своей прошлой жизни, он ощущает себя великим грешником, через покаянный стих лирический герой пытается открыть в себе «новый путь»: «Было у меня все, а вроде и не было. / И состояние это нелепое – / из-за больной души, в страстях погрязшей, / вроде дикаря, золото на побрякушки менявшей. / Молодость и красота были у моей женщины, / а я смотрел на других, словно помешанный, / город, в котором жил, был тих и спокоен, / а мне хотелось туда, где за покой шли войны. / В юности был указан путь самый верный, / а я предпочел хлебнуть на других путях скверны / прежде, чем вышел вновь на ту же дорогу, / чтобы искать любовь, дарованную когда-то Богом. / Только смотрю назад и терзают мысли: / сколько успел растерять в быстротечности жизни, / сколько профукал, проспал, проел, просмеялся?.. / Как еще не пропал, не потерялся?.. / Вот и заботы – лохмотья свои поменять бы. / Я ведь, среди других, приглашен на свадьбу. / Не успею перекроить, отстирать одежду – / могу оказаться во тьме внешней, / где зубов скрежет...» [15, 117].

Основной эмоциональный тон подобных стихов К. Смородина, на наш взгляд, приближается к стихам-плачу Г. Русакова («Разговоры с богом»). Все они также проникнуты мыслью о потерянном счастье, об умирании отдельного человека. Однако в отличие от русаковского «фамильярного» «разговора с богом», где слово «бог» написано с маленькой буквы, К. Смородин обращается к Всевышнему как Спасителю и утешителю. Своим собеседником Г. Русаков избирает Бога, на протяжении всех стихов он ведет с ним беседу. Разговор идет на равных. Для лирического героя Г. Русакова «бог» лишен своего божественного величия. Признавая за ним роль вершителя судеб, лирический герой не может простить ему потерю счастья. Если поэт Мордовии приводит своего героя к Богу как покровителю и Учителю человечества («На Тебя я, Боже, уповаю, / и прошу одно: не дай пропасть!») [15, 126], то лирический герой Г. Русакова возмущенно упрекает его за отнятое счастье («Ярость моя из закушенных губ: / – Господи, что же тебе я не люб? / Вон ты другим отверзаешь уста. / Господи, что ж я последний из ста? / Персть на дороге, лошажий навоз, / сипну от крика и слепну от слез. / Встану и смрадом моим изойду – / вот я один у тебя на виду») [17, 3].

Стихи, вошедшие во вторую часть книги «Второе дыхание», в идейно-смысловом плане во многом перекликаются с предшествующими. В эту часть, по признанию самого поэта, вошли стихи, написанные за последние три года. Они уже не имеют хронологии, что подчеркивает единство звучания поэтической мысли, – попытка обретения себя, возможности «второго дыхания». Однако и в этой части мы можем наблюдать движение лирического сюжета. Безусловно, динамика движения незначительна, но определяема: от мотивов одиночества, душевной боли и прощания с прошлой жизнью до осмысления важнейших событий современности. Поэт пытается научиться жить со словом БЫЛО: «Три года назад я был на пятнадцать лет моложе. Тогда была жива Анна и я был огражден от ветров и бурь мира сего ее любовью. Неужели такое могло быть?

Но ведь было. Было. Не буду повторять в очередной раз это тоскливое слово... бы-ло. Посчитайте сколько раз я его употребил. В нем слышится колокольный звон. Похоронный колокольный звон. Бы-ло. Бы-ло. Ветер ворочает тяжелый язык колокола на колокольном срубе черной ночной колокольни. Бы-ло... Бы-ло...

Но я знаю – наступит день и уже первые лучи солнца из-за горизонта бледным блеском озаряют текучий серпантин дороги» [15, 180].

Новые стихи К. Смородина, действительно, демонстрируют желание поэта обрести жизненные ориентиры. Теперь лирический герой заново учится видеть человеческую суть («Раньше были души, как реки...»), понимать онтологическую основу русского народа («Мы – русские и с нами Бог!»), давать отчет своим чувствам и переживаниям («Все казалось, что я – молодой», «Что мне Цветаева и Мандельштам...»), «Стихи – это формула моего состояния» и др.). Лирический герой со всей очевидностью осознает ничтожность масштаба своих бед и своих мук по сравнению с тем тернистым путем, который прошел Иисус ради спасения человечества: «Господи! Разве я нужен, / черствый такой и пустой / вроде бы светлый снаружи, / внутренне черный и злой? / Вот Ты взошел на распяты, / умер за нас на кресте, / но не по силам объятья / мне при Твоей правоте!..» [15, 226].

Обретение нового взора и дыхания позволяет поэту почувствовать и свою сопричастность к тем бедам, которые испытывают славянские народы и прежде всего Украина, кровную связь с которой ощущает и сам автор («Украина ще не вмерла?»). От переживания личной трагедии поэт переходит к осмыслению всеобщего Апокалипсиса отчуждения,

вражды и злобы, захвативших мир и народы. Именно поэзия, творчество и являются спасением для лирического героя К. Смородина, его тоскующего сердца. Стихи дают желание жить, вдохновляют на обретение «второго дыхания»: «Стихи – это формула моего состояния, / состояния души, состояния ума, / это интуитивная тропа в подсознание, / расстояния на которой условны весьма» [15, 233].

Таким образом, как мы смогли убедиться, поэтический сборник К. Смородина «Второе дыхание» – это «итоговая» книга стихов. Ее отличительными чертами становится глубокая исповедальность, жанровая поливалентность, сложная архитектура. К. Смородин также, как и его современники обращает внимание на главные составляющие книги: метафорическое название, учитывающее общую тональность всех поэтических текстов, развитие условного поэтического сюжета, наличие определенной системы персонажей, ключевых слов, мотивов. Итоговый характер данного издания основан на осмыслении определенного жизненного этапа поэта. Однако стоит заметить, что доминирующий мотив прощения, характерный для книг поэтов-классиков, приобретает в сборнике современного поэта Мордовии оттенок прощения с самым ценным и близким – любовью. Сквозь призму данного мотива поэт смотрит на свою прошлую жизнь, поэтому ее краски и звуки приобретают новые драматически-ностальгические оттенки. Проведенный анализ книги стихов К. Смородина «Второе дыхание», позволяет продемонстрировать не только особенности творческой манеры автора, но и обозначить пути развития жанровой системы современной поэзии Мордовии в целом.

Литература

1. Эйхенбаум, Б.М. Литературная позиция Лермонтова [Текст] / Б.М. Эйхенбаум // М.Ю. Лермонтов. Литературное наследие. – М.: изд-во АН СССР, 1941. – Кн. I. – С. 3–82.
2. Гинзбург, Л.Я. О лирике [Текст] / Л.Я. Гинзбург. – М.: Интрада, 1997. – 409 с.
3. Корман, Б.О. Кризис жанрового мышления и лирическая система (о поэзии М.Н. Муравьева) [Текст] / Б.О. Корман // Избранные труды по истории и теории русской литературы. – Ижевск: изд-во УдмГУ, 2008. – С. 160–171.

4. Сквозников, В.Д. Реализм лирической поэзии: становление реализма в русской литературе [Текст] / В.Д. Сквозников. – М.: Наука, 1975. – 368 с.
5. Грехнев, В.А. Лирика Пушкина: о поэтике жанров [Текст] / В.А. Грехнев. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. – 237 с.
6. Проскурин, О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест [Текст] / О.А. Проскурин. – М.: Новое лит. обозрение, 2001. – 462 с.
7. Ермоленко, С.И. К теории лирического жанра: основные проблемы изучения [Текст] / С.И. Ермоленко // Семантическая поэтика русской литературы: сб. науч. трудов к 70-летию проф. Н.Л. Лейдермана – Екатеринбург: изд-во УрГПУ, 2008. – С. 30–44.
8. Лейдерман, Н.Л. Теория жанра [Текст] / Н.Л. Лейдерман. – Екатеринбург: изд-во УрГПУ, 2010. – 904 с.
9. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
10. Абдуллаев, Е. Проза в поэзии: в поисках единства? [Текст] / Е. Абдуллаев // Вопросы литературы. – 2006. – № 5. – С. 67–80.
11. Козлов, В. Вышивка эпосом по лирике [Текст] / В. Козлов // Арион. – 2006. – № 4. – С. 41–52.
12. Костюков, Л. Длинное дыхание (о большой поэтической форме) [Текст] / Л. Костюков // Арион. – 2001. – № 1. – С. 52–62.
13. Гудкова, С.П. Книга стихов как крупная жанровая форма в творчестве русскоязычных писателей Мордовии (на материале поэтических изданий 2014–2015 гг.) [Текст] / С.П. Гудкова // Вестник угроведения. – 2016. – № 2 (25). – С. 27–36.
14. Гудкова, С.П. Крупные жанровые формы в современной русской поэзии Мордовии [Текст] / С.П. Гудкова. – Саранск: изд-во Морв. ун-та, 2016. – 208 с.
15. Смородин, К. Второе дыхание: стихи [Текст] / К. Смородин. – Саранск: Красный Октябрь, 2016. – 240 с.
16. Смородин, К.В. «В жизни каждого человека присутствует Божий промысел!». Интервью редакции газеты «Столица С» [Текст] / К.В. Смородин // Столица С. – от 10.09.2016. – С. 8.
17. Русаков, Г. Разговоры с богом [Текст] / Г. Русаков // Знамя. – 1999. – № 10. – С. 3–8.
18. Русаков, Г. «Мне больно жить от счастья бытия». Интервью Е. Константиновой [Текст] / Г. Русаков // Вопросы литературы. – 2004. – № 3. – С. 239–258.

References

1. Eykhenbaum B.M. *Literaturnaja pozicija Lermontova* [Lermontov's literary position]. *M. Yu. Lermontov. Literaturnoe nasledstvo. T. 43-44.* [M. Yu. Lermontov. Literary legacy. Vol. 43-44]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1941. Book I. pp. 3–82.
2. Ginzburg L.Ya. *O lirike* [About the lyrics]. Moscow: Intrada Publ., 1997. p. 409.
3. Korman B.O. *Krizis zhanrovogo myshlenija i liricheskaja sistema (o poezii M. N. Muravyova)* [The crisis of the genre thinking and lyric system (about the poetry of M. N. Muravyov)]. *Korman B.O. Izbrannye trudy po istorii i teorii russkoj literatury* [Korman B. O. Selected works on the history and theory of Russian literature]. Izhevsk: Izd-vo UdmGU Publ., 2008. pp. 160–171.
4. Skvoznikov V.D. *Realizm liricheskogo poezii: stanovlenie realizma v russkoj literature* [Realism of the lyric poetry: the development of realism in Russian literature]. Moscow: Nauka Publ., 1975. p. 368.
5. Grekhnev V.A. *Lirika Pushkina: O pojetike zhanrov* [Lyrics of Pushkin: about the poetics of genres]. Gorky: Volgo-Vjatskoe kn. izd-vo Publ., 1985. p. 237.
6. Proskurin O.A. *Poeziya Pushkina, ili Podvizhnyj palimpsest* [The poetry of Pushkin, or Movable palimpsest]. Moscow: Novoe lit. obozrenie Publ., 2001. p. 462.
7. Ermolenko S.I. *K teorii liricheskogo zhanra: osnovnye problemy izuchenija* [To the theory of the lyrical genre: main problems of study]. *Semanticheskaja pojetika russkoj literatury: sb. nauch. trudov k 70-letiju prof. N. L. Lejdermana* [Semantic poetics of Russian literature: collection of scientific works for the 70th anniversary of prof. N. L. Leyderman]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU Publ., 2008. pp. 30–44.